

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018921-9

Роман “Анна Каренина” в оценке “Русского вестника”

© 2022 г. Н. И. Городилова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
natromanova2007@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена изучению критических отзывов на роман Л.Н. Толстого “Анна Каренина”, опубликованных на страницах московского журнала “Русский вестник”. Исследуются статьи В.Г. Авсеенко и М.Н. Каткова, объединенные единой задачей – вписать “Анну Каренину” в рамки общей политики издания и причислить произведение к жанру великосветского романа. В соответствии с этим выявляются субъективность и предвзятость в интерпретации произведения. В частности, отмечается, как упрощается авторский замысел, сведенный к любовной драме Анны, настойчиво отрицается злободневность проблематики, а Толстой противопоставляется современным беллетристам как автор, не поддавшийся процессу демократизации литературы и оставшийся верным предшествующему этапу ее развития. При этом отмечаются и ценные наблюдения Авсеенко, его интересные суждения относительно художественного мира романа. Рецензии “Русского вестника” вписываются в контекст развития журналистики в 1870-е годы с ее четкой дифференциацией по общественно-политическим убеждениям и тенденциозным подходом к явлениям художественной словесности.

Ключевые слова: периодика XIX века, журнал “Русский вестник”, рецензия, Л.Н. Толстой, роман, полемика, рецепция, интерпретация.

Для цитирования: *Городилова Н.И.* Роман “Анна Каренина” в оценке “Русского вестника” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 82–89. DOI: 10.31857/S160578800018921-9

The Novel “Anna Karenina” in the Assessment of the “Russkiy Vestnik” (“Russian Bulletin”)

© 2022 Natalia I. Gorodilova

Cand. Sci. (Philol),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
natromanova2007@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of critical reviews of the novel by L.N. Tolstoy “Anna Karenina”, published by the Moscow journal “Russkiy Vestnik” (“Russian Bulletin”). The article examines the articles of V.G. Avseenko and M.N. Katkov, united by a single task to fit “Anna Karenina” into the framework of the general policy of the publication and rank it as the genre of a high-society novel. In accordance with this, subjectivity and bias in the interpretation of the work are revealed. In particular, it is noted how the author’s intention is simplified, reduced to Anna’s love drama, the topicality of the problem is persistently denied, and Tolstoy is opposed to modern fiction writers as an author who did not succumb to the process of democratization of literature and remained faithful to the previous stage of its development. At the same time, valuable observations of Avseenko, his interesting judgments regarding the artistic world of the novel

are noted. The reviews of the “Russkiy Vestnik” fit into the context of the development of journalism in the 1870s and in the 19th century with its clear differentiation according to social and political convictions and tendentious approach to the phenomena of literary literature.

Key words: periodicals of the 19th century, the journal “Russian Bulletin” (“Russkiy Vestnik”), review, Leo Tolstoy, novel, polemics, reception, interpretation.

For citation: Gorodilova, N.I. *Roman “Anna Karenina” v ocenke “Russkogo vestnika”* [The Novel “Anna Karenina” in the Assessment of the “Russkiy Vestnik” (“Russian Bulletin”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 82–89. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018921-9

“Анна Каренина” как-то неожиданно вошла в творческую судьбу своего создателя: случайно попавшийся на глаза том с прозой Пушкина так увлек Толстого, что он “неволью, нечаянно, сам не зная, зачем и что будет, задумал лица и события” [1, с. 16] нового романа. Замысел “из жизни частной и современной эпохи” [2, с. 500]¹, который внезапно оторвал писателя от работы над историческим романом о времени Петра I, возник, как фиксирует запись в дневнике С.А. Толстой, 18 марта 1873 г. А уже 25 марта Толстой под большим секретом сообщал в письме Н.Н. Страхову, с которым в эти годы его связывали близкие дружеские отношения, что новый роман “начерно” готов и окончательная его отделка займет около двух недель [1, с. 16]. Удивительный факт в писательской биографии Толстого: обычно путь от замысла до его воплощения был долгим и сопровождался неоднократными переделками текста, иногда в корне меняющими задумку. Кропотливый труд отнимал много времени и сил, почти все произведения автора, даже незначительные по объему, обрастали внушительной кипой черновиков и многократно правленных корректур. А новый замысел, как следует из слов писателя, был готов чуть ли не за неделю и готов настолько, что далее в том же письме Толстой делится со Страховым будущими планами относительно его издания: предполагая напечатать роман отдельной книгой, он просит своего корреспондента держать корректуры. Многочисленные эпистолярные и мемуарные источники убедительно свидетельствуют о сильнейшем увлечении Толстого новым произведением, но и сама стремительность воплощения замысла является красноречивым фактом. Правда, и в истории с “Анной Карениной” писатель остался верен себе, и столь стремительно завязавшийся сюжет прошел обычные этапы авторской правки. Почувствовав, что

поспешил с откровенными признаниями относительно своих творческих планов, Толстой оставляет письмо Страхову неотправленным и сообщает о своей работе позднее, 11 мая, с просьбой держать ее в тайне. Лишь 2 марта 1874 г. первая часть “Анны Карениной” была сдана в набор для отдельного издания, которое продвигалось медленно: виновата была не только типография, но и сам автор, оставшийся недовольным тем, что он прочитал в наборе, и одновременно снова увлекшийся педагогическими делами. И в июне 1874 г. печатание романа приостановилось. Попытка вернуться к работе над новым произведением в начале сентября 1874 г. ни к чему не привела.

Не соглашаясь сначала на предложения издателей “Отечественных записок” и “Русского вестника” Н.А. Некрасова и М.Н. Каткова, Толстой все же вынужден был в конце концов задуматься над ними. В принятии решения в пользу журнальной публикации сыграли роль два обстоятельства: срочная нужда в деньгах, необходимых для покупки земли, и желание “связать” себя издательским договором, чтобы закончить роман, первая увлеченность которым прошла [1, с. 121]. В декабре 1874 г. вопрос о печатании “Анны Карениной” в “Русском вестнике” был решен положительно. Выбор издания объяснялся, конечно, не близостью писателя общественно-политическим и литературным убеждениям Каткова. Известно негативное отношение Толстого ко всей современной ему журналистике, потому что, по его убеждению, “журнала негадкого нет” [1, с. 114]. Но, как справедливо отметил биограф Толстого Н.Н. Гусев, здесь не последнюю роль сыграла коммерческая договоренность [3, с. 191]. Толстой ставил условия, которые не должны были подвергаться обсуждению (роман продавался по 500 р. за лист с выдачей вперед 10 тысяч) и которые, по его предположению, могли быть тяжелы для “Отечественных записок” [1, с. 124]. Интересно, что эти журналы упоминает в письме от 8 ноября 1874 г. Страхов, очень интересующийся судьбой романа и страшно боящийся,

¹ Интерес писателя к “типу женщины замужней, из высшего общества, но потерявшей себя” С.А. Толстая зафиксировала в своем дневнике еще в 1870 г. [2, с. 497], но трудно сказать, связаны ли эти слова с замыслом “Анны Карениной”.

чтобы Толстой его не забросил. Он высказывает опасения, что писатель не сойдется с “Русским вестником”, поскольку тот “жметя” в финансовых вопросах [4, с. 185], и оказывается прав: только разногласия между автором и издательством возникнут на финальном этапе публикации и коснутся не коммерческих интересов. Упоминает Страхов и о сильнейшей заинтересованности Некрасова в приобретении романа для своего журнала, но при этом откровенно признается Толстому в своем нежелании содействовать “Отечественным запискам”, демократическое направление которых было ему глубоко чуждо [4, с. 185].

И с января 1875 г. началась публикация “Анны Карениной” в журнале “Русский вестник”. Роман вызвал такой живой интерес у современников, что “не было конца толкам, восторгам, и пересудам, и спорам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком” [5, с. 338]. Пристрастно и заинтересованно знакомилась с текстом не только простые читатели, на новое произведение Толстого откликнулись газеты и журналы самых разных идейно-политических направлений. В многочисленных рецензиях высказались диаметрально противоположные мнения, и вскоре завязалась полемика, затронувшая самые разные стороны художественного мира романа — от авторского замысла до композиционно-стилистических особенностей повествования.

Редакция “Русского вестника” опубликовала несколько критических статей, посвященных “Анне Карениной”. Главная их цель заключалась в том, чтобы вписать роман Толстого в рамки общей политики издания. Две из них были написаны В.Г. Авсеенко, который с 1873 г. занимал место ведущего критика “Русского вестника”. В 1875 г. в майской книжке журнала вышла его статья “По поводу нового романа гр. Л. Толстого” [6], а в первом номере журнала за 1876 г. — “Литературное обозрение”, значительная часть которого также посвящена толстовскому произведению [7].

Первая статья появилась в тот момент, когда публикация романа в 1875 г. была завершена и когда многие периодические издания успели высказаться по поводу романа. Справедливо напоминая, что “Анна Каренина” не окончена еще в печати и любые выводы о ней преждевременны, Авсеенко ставил перед собой, казалось бы, довольно частную задачу: объяснить “некоторые недоразумения”, возникшие у читателей к “в высшей степени замечательному произведению” [6, с. 420]. Но, естественно, что при этом критик не мог не обратиться непосредственно к толстовскому тексту и не высказать своих

мыслей относительно авторского замысла, интерпретация которого и стала камнем преткновения в обсуждении романа.

Свою статью, как и “Литературное обозрение”, Авсеенко начал с характеристики литературного процесса 1870-х годов. И это не случайно. С одной стороны, этот обзор вписывал Толстого в контекст литературного процесса своего времени; а с другой — раскрывал общественно-литературные взгляды рецензента “Русского вестника”, оказавшие заметное влияние на его понимание романа.

Авсеенко верно уловил, что успех романа при несомненном читательском интересе был неполным. Причины неоднозначных впечатлений, по его мнению, — в общем положении дел в литературе и журналистике 1870-х годов. Наблюдаемый процесс демократизации литературы плачевно сказался на вкусах читателей, которые, по мнению Авсеенко, приобрели “пошловатый тон” [6, с. 414]. Теперь к словесности предъявляются новые требования, выходящие за пределы собственно художественного творчества: публика стала ждать от писателей отражения современных вопросов времени, обращения к социальным проблемам, изображения “земских деятелей, железнодорожных тузов и присяжных поверенных” [6, с. 403]. Критик отмечает даже стилистическую регламентацию: “<...> значение писателя начали у нас оценивать в прямом отношении к бесстыдству, с каким он способен ругаться и пустословить” [7, с. 497]. Такой подход к литературе, отличающий демократические издания, консервативно настроенный критик “Русского вестника” оценивает резко негативно, поскольку видит в этом превращение литературы во “что-то узко-определенное, практическое” [7, с. 500]. Напротив, не отрицая тесной связи искусства и действительности, Авсеенко выделяет в литературе прежде всего ее духовно-нравственную составляющую: чем меньше произведение напоминает инструкцию, чем возвышеннее идею оно дает, тем “выше, благороднее и воспитательнее сама литература” [7, с. 500]. Здесь, по сути, прописывается программа “Русского вестника”, состоящая в том, чтобы создать литературу, которая основывалась бы на положительных духовных ценностях, несла бы в себе положительное начало [8, с. 3–5]. Роман Толстого не совпал с господствующими вкусами и требованиями современной литературы, которая хочет видеть на первом плане Николая Левина и его подругу Машу, и, соответственно, по мнению Авсеенко, вызвал многочисленные упреки, среди которых он выделил наиболее распространенные.

Прежде всего общее недовольство вызвало содержание романа. По мнению большинства критиков, новое произведение Толстого не затрагивало насущных проблем своего времени, не имело злободневного значения и, соответственно, не могло стать важным событием в мире художественной словесности. В ответ на этот упрек рецензент "Русского вестника" обращается к категории содержательности литературного произведения и, указывая на равно значимые сферы жизни человека — общественную и личную, — отстаивает право художника изображать внутреннюю жизнь человека, представляющую, по его убеждению, более обширный и плодотворный материал для художественной типизации. Общественная жизнь напрямую зависит от личной, ведь общественность, о которой так заботятся современные беллетристы, "есть только форма, получающая свою жизнь, свое содержание от нравов общества и условий индивидуального развития, под которыми живет частный человек" [6, с. 403]. Кроме того, общественные вкусы преходящи, они актуальны для определенного исторического этапа. Соответственно, обращение к фактам газетных колонок составляет лишь внешний интерес художественного произведения, то есть является не самой главной задачей художника.

Нелестно высказалось большинство критиков и о героях "Анны Карениной". Нельзя не согласиться с Авсеенко, утверждавшим, что осуждение вызвали не столько сами герои, сколько светская среда, к которой они принадлежали и которая заранее осуждалась «всем течением "новых идей" и новых вкусов» [6, с. 411] за то, что совершенно далека от интересов современности. Рецензент отмечает, что общее понимание аристократизма сводится к представлению о человеке светском, с определенным достатком и значительным общественным положением, жизнь которого отличаются известные формы быта, образ жизни, нравы. Но за этой внешней формой, по его мнению, большинство читателей не разглядело глубокого внутреннего содержания. Обаяние семей Щербацких, Левиных, Облонских заключается в том, что в их форме быта, воспитании, образе жизни чувствуется наследственная преемственность того стародворянского круга, который первым воспринял европейскую цивилизацию. Уважение к принципам и уважение к личности — вот то, что выделяет героев Толстого, а не барский образ жизни, в пристрастии к которому обвиняли автора.

Наконец, нередко в критических отзывах, посвященных "Анне Карениной", можно было встретить отсылки к "Воине и миру" и упреки в том, что Толстой повторяется, выводя на страницах своих произведений одних и тех же героев. Авсеенко не только не отрицает этой связи, но, наоборот, подчеркивает ее как естественную закономерность, поскольку герои обоих романов — представители одной среды, отличающейся устойчивостью своего культурно-бытового склада. Настойчивое обращение писателя к героям одного социального слоя обусловлено духовным истощением эпохи, отсутствием новых интересных типов.

Авсеенко чутко уловил наиболее распространенные обвинения в адрес Толстого и справедливо указал на пристрастность многих суждений об "Анне Карениной", но и сам был далек от объективного прочтения текста. Как ведущий критик "Русского вестника", консервативного издания, которое видело свою главную задачу в борьбе с нигилистической литературой, он в своих литературно-критических статьях аргументировал философско-эстетическую и политическую программу журнала [9, с. 70]. Соответственно, суждения Авсеенко об "Анне Карениной" не только отражали его эстетические взгляды, но и преследовали вполне определенную цель: нужно было убедить читателей в приверженности Толстого литературно-общественной позиции издания и показать его чужеродность современной беллетристике, пропитанной гражданскими, политическими идеями. Главное достоинство толстовского романа, помимо мастерства повествовательной пластики, глубины психологического анализа, Авсеенко видит в отсутствии тенденциозности, острых общественных вопросов, современных героев. Позиция рецензента "Русского вестника" была в духе журналистской практики своего времени: разговор о художественном произведении часто выходил за рамки литературы и переводился в плоскость политики.

В соответствии с заданной критической установкой интерпретировался авторский замысел, который сводился к изображению внутренней драмы сердца, к "вопросу о любви между мужчиной и женщиной, не имеющими возможности вступить в брак, потому что одна из сторон уже находится в браке" [6, с. 403]. Предвидя возможные возражения со стороны оппонентов, Авсеенко настойчиво подчеркивал, что эта частная история наполнена важным жизненным содержанием и непосредственно связана с действительностью. Но под этой жизненностью критик подразумевал

не злободневность и актуальность темы, а реалистическую достоверность повествования: Толстой, по словам Авсеенко, вводит личную драму героини “в самую глубину жизни” [6, с. 404] и рассказывает ее так, что создается иллюзия “полной реальности” [6, с. 404]. По его мнению, “частная история Анны Карениной” намного содержательнее в силу своей жизненности и реалистичности, чем истории про “новых людей”, которые “живут и действуют в пустоте, населенной тенденциозными призраками” [6, с. 405].

Главный интерес романа, таким образом, заключается в жизненной драме Анны, а история Левина, субъективную природу которого верно почувствовал Авсеенко, отнесена к области идиллии: здесь слабое “драматическое напряжение” [6, с. 420] несколько искупается художественностью описаний. Такая трактовка авторской идеи “Анны Карениной” превращалась в “дифирамб великосветскому роману” [10, с. 119].

Если рассматривать статью Авсеенко в контексте журнально-газетной полемики своего времени, то раскрывается очевидная общность между его “положительным” отзывом и отрицательными откликами демократических изданий в прочтении “Анны Карениной” как романа, построенного на частном замысле и лишённого общественной проблематики. Разница была только в отношении: демократы увидели в этом недостатки романа и резко осудили автора, а Авсеенко – значимые достоинства произведения, которые заслуживают самых восторженных слов. С этой точки зрения обращает на себя внимание тот факт, что рецензент “Русского вестника”, останавливаясь в статье на отмеченных критикой недостатках романа, лишь объясняет их как недоразумение, но отнюдь не оспаривает.

Вторая статья Авсеенко “Литературное обозрение” в целом не внесла чего-то принципиально нового в его рассуждения: по-прежнему “Анна Каренина” признавалась крупнейшим фактом литературы, а Толстой – “громким художественным талантом” [7, с. 502]. Продолжая заданную первой статьёй линию анализа, рецензент рассматривает роман на фоне современной ему беллетристики: Авсеенко снова указывает на отсутствие авторского критического взгляда на окружающую действительность, злободневного пафоса, а интересы героев ограничивает лишь “сферой внутренней жизни” [7, с. 503].

Обращаясь непосредственно к тексту, критик говорит о двух важных его достоинствах, которые заметно выделяют Толстого из круга писателей-современников. Во-первых, умение автора

изображать страсть, ее оттенки и тончайшие нюансы, прибегая не к привычным формам, превратившимся у большинства беллетристов в шаблоны, а к свежим и оригинальным способам рисовки. Соответственно, вновь подчеркивается важная для издания мысль о том, что главный интерес романа заключается в истории Анны.

Во-вторых, рецензент отмечает как сильную сторону таланта писателя – “несказанную прелесть рассказа” [7, с. 502]. Правда, говоря об особенностях толстовской манеры повествования, он прибегает к метафорическим выражениям, обобщенный характер которых придает комплименту некоторую условность. По его словам, читатель вступает вместе с автором в “поэтическое море, где сквозь молочный туман сверкают озаренные, приближающиеся очертания...” [7, с. 502]. Авсеенко признается, что мысль читателя чувствует иногда “какое-то неудовлетворение” [7, с. 503], недоверие к изображаемому, желание прозреть истинный его смысл, но “способность рассказывать у графа Толстого так велика, что для эстетически-восприимчивого читателя становится наконец все равно, о чем он рассказывает” [7, с. 503]. Получается, что все достоинство романа не в глубине авторской мысли, не в сложности проблематики, а в технике рассказа, приемами которого блестяще овладел писатель.

В интерпретации “Анны Карениной” Авсеенко заметно его настойчивое желание прочитать текст в соответствии с собственными общественными убеждениями и литературными вкусами, а значит, в его статьях много спорных высказываний. Так, Толстой в его изображении предстает не чутким летописцем сложного пореформенного времени, а продолжателем предыдущего периода литературы, поскольку “признаки, наиболее характеризующие современную жизнь в ее последней, сегодняшней форме, играют очень небольшую роль в романе” [6, с. 405], действие которого можно легко отнести и к 1840–1850-м годам. Получается, что писатель совершенно лишается не только тонкого понимания противоречий современной ему действительности, но и творческой эволюции. Но такая позиция была типична для журналистики 1870-х годов. Многие отклики этого времени были заранее не свободны в своих суждениях, а значит, спорны.

Однако при всей субъективности и полемичности высказываний Авсеенко, в его статьях есть тонкие наблюдения и интересные суждения, касающиеся художественного мира романа. Обращает на себя внимание интерпретация образа Анны, которую “фельетонисты больших и малых

газет признали <...> обыкновенною и безнравственною женщиной" [6, с. 414]. Рецензент справедливо отметил предубеждение, сложившееся в читательской среде по отношению к главной героине, и остроумно написал о противоречиях современной критики: казалось бы, Анна, замужняя женщина, поддающаяся чувствам, выполнила требование свободы чувств и должна бы обратить симпатии читателя в свою сторону, но этого не произошло. Неприязненное отношение к героине критик объясняет, во-первых, ее барским происхождением, которое совсем не смущало саму Анну, не видящую в этом "никакой вины с своей стороны" и не желающую "выйти из своего привилегированного положения" [6, с. 414]; а во-вторых, тем, что чувства в ней вызвал граф, а не, скажем, Николай Левин, влюбившись в которого, "она вдруг выросла бы до героизма, до идеала" [6, с. 414].

Авсеенко вписывает Анну Каренину в галерею женских образов русской литературы, находя сходство ее с Татьяной Пушкина, Верой Лермонтова, княжной Засекиной Тургенева. Причисляя этих героинь к "женственным женским типам" [6, с. 415], критик видит их общность в том, что все они живут сердцем. В Анне, по его мнению, Толстой блестяще воплотил тип женщины, ушедшей "в свою внутреннюю жизнь, полную страсти, борьбы и неизбежных разочарований" [6, с. 416]. Конечно, и в данном случае Авсеенко имеет в виду свою полемическую цель – противопоставить названных героинь утратившим обаяние женственности героиням современной беллетристики, которые лишь отражают вкусы своих создателей, пропитанных газетными тенденциями [6, с. 416], – но при этом нельзя не признать, что его литературные аналогии свидетельствуют о вдумчивом проникновении в образ главной героини.

Характеризуя мужские лица романа, рецензент признает, что они значительно уступают женским образам. Вронский, вызвавший резко отрицательные отзывы большинства критиков, видится и Авсеенко типичным светским человеком, вся суть которого заключается в соблюдении внешних форм жизни определенного социального круга и внутреннее содержание которого "ниже роли, предоставленной ему в драме" [6, с. 419]. На его фоне ярче высвечивается внутренняя значительность семейств Щербацких, Левиных и Облонских, тоже принадлежащих столичному светскому обществу, но сохранивших в быте своего круга нравственное начало и верность преданиям. Отмечая внутреннюю незначительность героя,

Авсеенко, в отличие от своих коллег, не прибегает к уничижительным его характеристикам, а объясняет выбор Вронского в качестве героя романа авторским замыслом, смысл которого, как он признается, трудно постичь, поскольку произведение еще не окончено.

В 1877 г. с откликом на "Анну Каренину" выступил сам издатель "Русского вестника". Поводом к этому послужили разногласия между Катковым и Толстым, возникшие относительно событий русско-турецкой войны и родившегося на ее фоне добровольческого движения. Резко отрицательное отношение писателя к современным событиям основывалось на убеждении в заинтересованности отдельных лиц в раздувании войны с Турцией, о чем в романе иронично говорит старый князь Щербацкий. Приводя в пример своего зятя Степана Аркадьича Облонского, занимавшего никому не нужное, но приносящее значительный доход служебное место и доказывавшего всеми силами, что должность его самая полезная и необходимая, тесть Левина откровенно проводит параллель с прессой: «Так-то и единомыслие газет. Мне это растолковали: как только война, то им вдвое дохода. Как же им не считать, что судьбы народа и славян... и все это?» [11, с. 677]. Поддерживавший добровольческое движение Катков не мог напечатать текст, откровенно противоречащий политике журнала, а Толстой не пожелал вносить в него смягчающие изменения. В результате публикация романа в "Русском вестнике" закончилась на седьмой части, а восьмая, уже набранная для журнала, была издана отдельной книжкой в типографии Ф.Ф. Риса.

Редакция прокомментировала сложившуюся ситуацию: в майском номере журнала появилась небольшая заметка без подписи, которая не была обозначена в оглавлении, набрана мелким шрифтом и помещена в конце номера. Несколько иронических строк раскрыли содержание восьмой части романа: "<...> Вронской, в смущении и горе после смерти Анны, отправляется добровольцем в Сербию", "Левин остается в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев" [12, с. 472]. Вполне понятно возмущение Толстого допущенной бестактностью "Русского вестника", но помимо этической стороны дела обращает на себя внимание другой важный момент. Небольшая заметка, по сути, содержала интерпретацию авторского замысла: «В предыдущей книжке под романом *Анна Каренина* выставлено: "окончание следует". Но со смертью героини собственно роман кончился» [12, с. 472]. Эта трактовка получила дальнейшее свое развитие и

обоснование в статье “Что случилось по смерти Анны Карениной?”, вышедшей в июльском выпуске “Русского вестника” [13]. Катков лишь кратко упоминает о своем несогласии с автором, поскольку, по его убеждению, вряд ли этот вопрос может заинтересовать читателей, но раскрывает причину его возникновения: в текст не были внесены желательные для журнала исключения [13, с. 448–449]. Однако мысли, изложенные в статье, конечно, проливают свет на суть конфликта.

Значительная часть ее посвящена тем сценам романа, в которых изображаются споры героев по поводу славянской войны. Толстой, по мнению Каткова, заинтересовавшись славянским вопросом, совершенно отвлекся от главной линии повествования, и “созданные им лица правят тризну по героине романа рассуждениями на эту тему” [13, с. 456]. Комментарии издателя отражают его личные убеждения, в соответствии с которыми он доказывает правильность и основательность высказываний Сергея Иваныча, сторонника добровольческого движения, а Левина, “почему-то раздраженного на неповинных добровольцев” [13, с. 458], выставляет “несносным спорщиком” [13, с. 462].

Обращаясь к архитектонике романа, Катков доказывает мысль, что он окончился с трагической гибелью Анны и что, соответственно, вышедшая отдельным изданием восьмая часть романа содержит “приделанные мотивы, не имеющие связи с темой” [13, с. 462]. Духовные искания Левина Катков описывает в насмешливо-фамильярной форме и резюмирует их тем, что “добрейший Костя просто дурит” [13, с. 460]. Обретение Левиным веры, по его мнению, “не обусловлено ходом целого и не имеет ни внутренней, не внешней связи с судьбою главной героини” [13, с. 462], а является лишь частным эпизодом биографии героя, который, вероятнее всего, не остановится на этом открытии². Почему такое неприятие вызвал образ Левина? Его историю сложнее было вписать в жанр великосветского романа, поскольку осмысление этой истории невозможно было без размышлений героя о земстве, о взаимоотношениях помещика и рабочего, о несправедливости привилегированного положения дворян и др., ее труднее было оторвать от реалий своего времени, от острых социальных вопросов.

Таким образом, замысел “Анны Карениной” в интерпретации “Русского вестника” сводился

² Мысль об отсутствии в романе композиционной цельности, о нарушении художественного единства введением двух сюжетных линий станет довольно распространенной в периодике тех лет.

к любовно-семейной линии; отрицание в романе социальной проблематики, актуальных для своего времени вопросов было продуманной позицией издания, боровшегося против демократизации литературного процесса и старавшегося причислить Толстого к своей идейной партии. Поэтому при изучении литературно-критических отзывов “Русского вестника”, как и всех отзывов на “Анну Каренину”, появившихся в период выхода романа, нужно учитывать особенности журналистики 1870-х годов: четкая дифференциация по литературным и идейно-общественным партиям во многом определяла тенденциозный анализ любого художественного произведения. Не менее важно и то, что эти статьи являют собой прежде всего живую реакцию современников на литературную новинку; не имея еще исторической дистанции для серьезного осмысления произведения, критики были не свободны от горячих и субъективных оценок. И это было вполне естественно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 62: Письма 1873–1879 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953.
2. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. Т. 1: 1862–1900. М.: Художественная литература, 1978.
3. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии: с 1870 по 1881 год. М.: Издательство АН СССР, 1963.
4. Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Т. 1: Письма 1870–1878. М.: Группа славянских исследователей при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003.
5. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011.
6. А. <Авсеенко В.Г.> По поводу нового романа гр. Толстого // Русский вестник. 1875. Т. 117. № 5. С. 400–420.
7. А. <Авсеенко В.Г.> Литературное обозрение // Русский вестник. 1876. Т. 121. № 1. С. 496–510.
8. Трофимова Т.А. “Положительное начало” в русской литературе XIX века: “Русский вестник” М.Н. Каткова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: РГГУ, 2007.
9. Гайнцева Э.Г. В.Г. Авсеенко и “Русский вестник” 1870-х годов // Русская литература. 1989. № 2. С. 70–84.
10. Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Издательство МГУ, 1993.

11. Толстой Л.Н. Анна Каренина / серия “Литературные памятники”. М.: Наука, 1970.
12. Русский вестник. 1877. Т. 129. № 5. С. 472.
13. <Катков М.Н.> Что случилось по смерти Анны Карениной // Русский вестник. 1877. Т. 130. № 7. С. 448–462.
6. А. <Avseenko, V.G.> *Po povodu novogo romana gr. Tolstogo* [About the New Novel by Count Tolstoy]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1875, Vol. 117, No. 5, pp. 400–420. (In Russ.)
7. А. <Avseenko, V.G.> *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1876, Vol. 121, No. 1, pp. 496–510. (In Russ.)
8. Trofimova, T.A. “*Polozhitelnoe nachalo*” v russkoi literature XIX veka: “*Russkii vestnik*” M.N. Katkova: *dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [“A Positive Beginning” in Russian Literature of the XIX Century: “Russian Bulletin” by M.N. Katkova: diss. Cand. Sci. (Philol.)]. Moscow, RGGU Publ., 2007. (In Russ.)
9. Gayntseva, Je.G. *V.G. Avseenko i “Russkij vestnik” 1870-h godov* [V.G. Avseenko and “Russian Bulletin” of the 1870s]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 1989, No. 2, pp. 70–84. (In Russ.)
10. Babaev, Je.G. *Lev Tolstoj i russkaja zhurnalistika ego jepohi* [Leo Tolstoy and Russian Journalism of His Era]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1993. (In Russ.)
11. Tolstoy, L.N. Anna Karenina. “Literary Monuments” Series. Moscow, Nauka Publ., 1970. (In Russ.)
12. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1877, Vol. 129, No. 5, p. 472. (In Russ.)
13. <Katkov, M.N.> *Chto sluchilos po smerti Anny Kareninoj* [What Happened after Anna Karenina’s Death]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1877, Vol. 130. No. 7, pp. 448–462. (In Russ.)

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 62: Pisma 1873–1879 gg.* [Complete Works: in 90 Volumes. Vol. 62: Letters from 1873 to 1879]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1953. (In Russ.)
2. Tolstaya, S.A. *Dnevniki: v 2 t. T. 1: 1862–1900* [Diaries: in 2 Volumes. Vol. 1: 1862–1900]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1978. (In Russ.)
3. Gusev, N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii: s 1870 po 1881 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for the Biography: from 1870 to 1881]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1963. (In Russ.)
4. *L.N. Tolstoj – N.N. Strahov. Polnoe sobranie perepiski: v 2 t. T. 1: Pisma 1870–1878* [L.N. Tolstoy – N.N. Strahov. Complete Collection of Correspondence: in 2 Volumes. Vol. 1: Letters 1870–1878]. Moscow, Gruppya slavjanskih issledovatelej pri Ottavskom universitete i Gosudarstvennyj muzej L.N. Tolstogo Publ., 2003. (In Russ.)
5. *L.N. Tolstoj i A.A. Tolstaja. Perepiska (1857–1903)* [L.N. Tolstoy and A.A. Tolstaya. Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 2011. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 августа 2021 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 октября 2021 г.
 Статья принята к публикации: 02 ноября 2021 г.
 Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on August 25, 2021
Revised on October 13, 2021
Accepted on November 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022